

Александр Иванович Эртель

Самарская деревня

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Э82

Э82 **Эртель А.**
Самарская деревня / Александр Иванович Эртель – М.: Книга по Требованию, 2025. –
37 с.

ISBN 978-5-521-39304-6

ISBN 978-5-521-39304-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2025
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2025

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

сильно и часто. Воровства между ними очень мало. Сифились распространенъ не особенно.

Кстати, насчетъ школы. Одинъ изъ піонеровъ, о которыхъ всколзь упомянулъ я, предложилъ имъ выстроить на его, піонеровъ, счетъ школу, снабдить ее учебными пособіями, нанять учителя; все это съ тѣмъ, чтобы они сами сѣздили за лѣсомъ для этой школы въ Самару и затѣмъ дали бы для нея мѣсто. Это предложеніе было повторено, когда однажды къ піонеру пришла цѣлая толпа хилковскихъ мужиковъ, попросить корму для овецъ.

— Ну, что же, какъ насчетъ школы?..—Спросилъ піонеръ, перебивая оживленный разговоръ объ овцахъ.

Внезапно настало молчаніе. Наконецъ, одинъ сказалъ:

— Это вѣдь какъ... Оно точно, отчего не привезть лѣса. Только вѣдь, что же мы одни то... Собраться бы... Со всего прихода ежели собраться... А то отчего не уважить—уважить можно.

Другіе хоромъ подхватили, что дѣйствительно „можно уважить“.

— Да вы поймите—горячился піонеръ—какой случай у васъ: вамъ вѣдь *даромъ* все предлагаютъ: и выстроить, и учителя нанмутъ, и книжки покупать, только и дѣловъ вамъ, что на своихъ лошадяхъ лѣсу привезть...

— Это точно—вяло согласились мужики,—случай оно точно что...—и вдругъ совершенно неожиданно одинъ заявилъ: такъ какъ же насчетъ овецъ то? Ты ужъ сдѣлай милость, Матвѣй Николаичъ!..—И толпа съ величайшей живостью подхватила это заявленіе и дружно запросила: сдѣлай ужъ милость, Матвѣй Николаичъ, уважь насъ!

Такъ школа и отступила на задній планъ.

А между тѣмъ неизбѣжно приходишь къ тому, что единственное свѣтлое пятно впереди, это — школа. Это почти единственный рецептъ, сила котораго вѣтъ сомнѣній... Я, конечно, говорю о настоящей, о „въ-самдѣлишной“ школѣ, школѣ въ сопутствіи бібліотекъ, вечернихъ чтеній, воскресныхъ классовъ,—школѣ не сопровождаемой непремѣнными прокурорами и сыщиками и вносящей въ деревню не одно только механическое познаніе азовъ, а идеи добра, справедливости, которымъ, ей-Богу же, нужно заглянуть въ нашу деревню.

Къ этимъ идеямъ, которыя явно оскудѣваютъ въ деревенской средѣ (да простить мнѣ Н. Н. Златовратскій эту ересь!) и ну-

ждаются въ *развитіи*, необходимо еще прибавить идею *поэтической красоты*, важность которой просто неизмѣрима. Дѣло въ томъ, что, по моему мнѣнію, эта послѣдняя идея, если еще сохранилась въ деревнѣ, то, опять-таки, сильно нуждается въ обновленіи, въ притокѣ внѣшнихъ силъ, свѣжихъ и вліятельныхъ. Она сохранилась, но застыла и съ давнихъ временъ пребываетъ въ состояніи *in statu quo* или даже подтачивается новыми „трактирными“ вѣяніями. Ниже я привожу длинный рядъ пѣсенъ, изъ которыхъ и это „подтачиваніе“, и это мало утѣшительное *status quo* видны воочию.

Вотъ нѣсколько пѣсенъ „историческаго“ характера, записанныхъ въ Хилковѣ:

1.

По улицѣ Суздальской, тамъ живетъ ли проживаетъ
Балахонцевъ князь съ молодой княгиней.
Молода его княгиня, жила съ вѣрнымъ Ключничкомъ.
Князь дознался, догадался, чрезъ дѣвчонку горничну,
Её шельму фрельную...
Выходилъ же Балахонцевъ князь на свой красенъ крылецъ,
Онъ воскликнулъ, онъ возгаркнулъ громкимъ голосомъ
своимъ:

„Вы слуги вѣрные мои, вы подите приведите
Мнѣ Ванюшу Ключника“...—

— Ты скажи-ка, воръ Ванюшка, воровскій ты, шельмецъ, сынъ,
Ты скажи-ка давно ли, давно съ княгиней молодой живешь?

— Я знать того не знаю, вѣдать не вѣдаю...

Про то знаетъ ли не знаетъ мать каменна Москва...

— Сдѣлайте ли, сдѣлайте ему посередь двора

Столбики точеные, рѣлики шелковья...

Вели, вели Ванюшу широкимъ дворомъ,

Какъ на Ванюшѣ рубашка бѣлѣется, а личико румянѣется.

Ванюшка денекъ висѣлъ, другой висѣлъ,

А на третій потягаться сталъ.

Молода его княгиня приставляться стала:

— Вы подите, слуги вѣрные, снимите Ванюшу Ключника...

2.

Платовъ казакъ былъ,

Свою бороду обрилъ.

Онъ и воинъ былъ,
 Хорошо царю служилъ,
 За то царь его любилъ,
 Въ свою одежду нарядилъ.
 Въ свою одѣжу нарядилъ,
 Къ Францу въ гости проводилъ.
 Ево Франца не узналъ,
 За купца его прималъ.
 Графинъ водки наливалъ,
 На подносѣ подносилъ.
 У француза была дочь Орина,
 Съ купцомъ рѣчи говорила:
 Ты ужъ купчикъ, ты купецъ,
 Удалой ты молодецъ,
 Покажи ка свой патреть—
 Схожъ на Платова казака...
 А купецъ ей отвѣчалъ:
 У Платова казака
 Не обрита борода.
 А у меня видишь какá...
 Ей словечушко сказалъ,
 Самъ изъ горенки бѣжалъ,
 Выбѣгалъ онъ на крыльцо,
 Громкимъ голосомъ кричалъ:
 Вы слуги ль, мои слуги,
 Слуги вѣрные мои,
 Все донскіе казаки,
 Подавайте поскорѣй
 Мово ворона коня...
 На коня Платовъ садился,
 Ровно соколъ онъ взвился,
 Къ окошечку подѣзжалъ,
 Насмѣшечку насмѣялъ—
 Три словечушка сказалъ:
 — Ты ворона, ты ворона,
 Загуменная корга,
 Не умѣла ты, ворона,
 Лсна сокола держать...

Поминай теперь какъ звать!..
 — А французъ ему въ окошечко кричалъ:
 Еслибъ я тебя узналъ,
 Такъ съ живого-бъ шкуру снялъ!

3.

Не черныя воронцы вылетывали,
 Вылетали ядрушки персидскія,
 На того ли производителя
 На графа Паскевича..
 Не съ того ли графъ Паскевичъ
 Весьма пріужахнулся.
 Онъ воскликнулъ, онъ возгаркнулъ
 Громкимъ голосомъ своимъ:
 Ужъ вы братцы, мои братцы,
 Солдаты военные..
 Послужите, постарайтесь царю Бѣлому,
 Царю бѣлому Николаю первому..
 Они бились и рубились
 Трое сутокъ,
 Порубили, погубили
 Полковника самага,
 По немъ вся девизія, всѣ солдатушки
 Да и всѣ восплакнули,
 Онъ не князь былъ намъ, не князечекъ,
 Онъ былъ рѣдный отецъ.

4.

Очутился, проявился, здѣсь незнамый,—незнакомый, неиз-
 вѣстный человѣкъ,
 Здѣсь незнамый, незнакомый, неизвѣстно чей такой.
 Чисто, щепетко, по городу погуливаетъ,
 Онъ енотову шубенку за рукавъ еѣ тащить,
 Бѣлъ персидскій кушачекъ, во бѣлыхъ рукахъ несетъ
 Чорна шляпа съ подлиманомъ (?) на русыхъ кудряхъ его.
 Увидали молодца губернаторъ изъ окна.
 Закричалъ тутъ губернаторъ громкимъ голосомъ своимъ:
 Вы слуги мои, слуги, слуги вѣрные мои,

Вы подите, приведите удалого молодца...
 Они взяли, подхватили удалого молодца,
 Поставили молодца посередь губернаторскаго дворца,
 Сталь губернаторъ выпрашивать его:
 Чьего рода, чьего племени...

Отвѣчалъ имъ добрый молодецъ: Стеньки Разина я сынъ...

Изъ этихъ пѣсень ясно видна сила новѣйшихъ вѣяній, превратившихъ „воеводу“ въ „губернатора“ и одѣвшихъ Стенькина сына въ енотовую шубу. Эти же вѣянія, по всей вѣроятности, изгнали изъ памяти народной болѣе содержательныя и поэтическія пѣсни, а старую пѣсню о Ванькѣ Ключникѣ превратили въ нескладный и прозаическій пересказъ.

Болѣе посчастливилось пѣснямъ лирическаго характера и особенно свадебнымъ. Привожу нѣкоторые.

1.

Что не ржавчинка у насъ въ болотѣ
 Всю травку съѣдаетъ,—
 Не кручинушка меня, добраго молодчика,
 Сокрушаетъ...
 Что сушить-крушить меня, добраго молодчика,
 Да все худа слава!
 Отъ худой-то я отъ славушки,
 Мальчикъ, погибаю.
 Знать погибла моя буйная головушка,
 Да все понапрасну...
 Что велятъ-то мнѣ, добру молодцу,
 Велятъ мнѣ жениться,
 Не на душѣ красной дѣвчоночкѣ,
 На горькой вдовенкѣ...
 Ужъ ты горькая моя, разнесчастная вдова,
 Стели мнѣ постелю.
 Какъ постламши вдовонька постелюшку,
 Слезехонько плачетъ...
 Не по батюшкѣ, не по матушкѣ,
 По миломъ дружочкѣ.
 Не шатайся, не качайся
 Въ полѣ, ковыль-травка—

Не тоскуй, не горюй по молодчику,
Красная дѣвка!

2.

Какъ за рѣченькой за Кубаночкой
Тамъ казакъ-атъ гулялъ,
Онъ коней спасалъ;
Вострой шашечкой
Огонекъ высѣкалъ,
Суху травку рвалъ,
На огоникъ клалъ,
Пораскладывалъ.
Свои ранушки казакъ
Перевязывалъ.
Охъ, вы раны мои, вы тяжелыя,
Тяжелымъ-тяжелы,
Вы къ сердцу пришли—
Вы къ сердцу пришли
Кровью изошли.
Передъ смертью казакъ
Сталъ приказывать:
Ужъ ты конь, ты мой конь,
Развороненькій,
Поводочикъ твой разшелковый...
Ты бѣги-ка, мой конь,
По дороженькѣ вдоль;
Забѣги-ка, мой конь,
Къ отцу-матери въ домъ;
И встрѣтитъ тебя
Молодая жена,
Выспрашивать будетъ
Родна матушка:
— Ужъ ты конь, ты мой конь,
Развороненькій,
Ты скажи-ка, мой конь,
Гдѣ хозяинъ-то твой?
— Хозяинъ мой въ полѣ женится:

Онъ беретъ себѣ жену—

Шашку вострую...

А вотъ и свадьбныя, въ которыхъ главнымъ образомъ сохранилась живучесть поэтического чувства...

1.

Когда „по рукамъ ударятъ“ за невесту, она „завопитъ“:

Охъ, не запродавай, родимый батюшка,

Мою буйную головушку,

Не запоручай, родима матушка,

Мою русу косыньку...

Отходила я съ любезными подружками

По широкой уличкѣ...

Ты не жди-ка меня, родной батюшка,

Со любезными подружками

Въ переднія воротички...

Дожидай-ка меня, родная матушка,

Со горючими слезьми

Въ заднія воротички...

2.

Когда жениха провожаютъ съ вечера отъ невесты, поютъ:

Вьянули вѣтры по полю,

Грянули веслы по морю,

Топнули кони Никитины

Топнули кони Иваныча...

Съ кѣмъ-то мнѣ думушку думати

Съ кѣмъ-то мнѣ крѣпку гадати?

— Думати думушку съ роднымъ батюшкой,

Гадать крѣпкую съ родной матушкой...

— Эта мнѣ думушка не крѣпка;

Думать мнѣ думушку съ Никитой,

Гадать крѣпкую съ Иванычемъ,

Эта мнѣ думушка крѣпче всѣхъ.

3.

Розанъ мой, розанъ,

Виноградъ зеленый...

Какъ по мосту мосточку
Ѣхала карета,
Во каретѣ той сидѣла гордѣна,
Плакала рыдала.
Плакала рыдала
Къ дубову ларю припадала:
Ужъ ты ларь, ты мой ларь,
Ты дубовый ларь,
Не годъ я тебя копила,
Не два сподобляла,
Не недѣлю споручала...
Не недѣлю споручала,
Пришло время раздарила:
Свекру атласу,
Свекры гарнитуру,
Деверьямъ по платочку,
А сродничкамъ по порточкамъ.

4.

Я не знала не вѣдала,
Ко мнѣ сваха пріѣхала,
Не горла и не спѣсивая...
Потихонечку въ терѣмъ вошла,
Низехонько кланялась,
Чужу сторону выхваливала.
Какъ чужая-то сторонушка—
Виноградомъ поле сѣяно,
Сытой поле поливано...
Взговорила свѣтъ Аринушка душа:
Ты не обманывай, обманщица,
Чужая наговорщица,—
Что чужая-то сторонушка
Полыню горькой посѣяна,
Она горемъ огорожена,
Слезьми горькими поливана...

5.

Не разливайся ты, тихій Дунай,
Не затопляй ты зеленые луга,

Во тѣхъ ли лугахъ гулялъ бѣлый *лень*,
 Бѣлый *лень*, золотые рога.
 Навстрѣчу *леню* добрый молодецъ идетъ,
 Иванушка государь идетъ...
 Самъ онъ на конѣ, что соколъ на рукѣ,
 Во правой рукѣ шелковая плетъ;
 Хлыснулъ онъ *леня* плеточкою:
 Я тебя *лень* изъ ружья застрѣлю.
 Какъ взговорилъ ему бѣлый *лень*:
 Не бей не стрѣлай меня, добрый молодецъ,
 Въ нѣкоторое время я самъ пригожусь —
 Будешь жениться—на свадьбу прійду,
 Широко твой дворъ я коврами устелю,
 Высокъ новъ теремъ я рогами освѣчу,
 Веселыхъ гостей я собой взвеселю,
 Больше я всѣхъ свѣтъ Аринушку душѣ
 Чтобы она не плакала,
 Свою маменьку бы не печалила...

6.

Когда женихъ идетъ за невестой къ вѣнцу.

Безъ вѣтру, безъ вихоря,
 Воротички отворилися,
 Дубовы столбы пошатнулись,—
 Князя баре соѣзжались.
 На передъ-ать идетъ молодецъ
 Добрый молодецъ, Никитушка государь.
 На конѣ ѣдетъ что на вихорѣ,
 На сѣдлицѣ черкасскимъ,
 А на войлочкѣ бухарскимъ...
 Какъ увидѣла его, ўзрила,
 Свѣтъ Аленушка изъ окошечка,
 Степановна изъ косящета.
 Заметалась, закидалась,
 Что изъ горницы, во горницу,
 Изъ свѣтелочки во новую,
 Къ краснымъ дѣвушкамъ за занавѣсочку:
 Сберегите меня, дѣвушки,

Ужъ вы спрячьте меня красныя,
 Вонъ онъ ѣдетъ раззоритель мой,
 Раззоритель, погубитель мой.
 Раззорить мою головушку,
 Расплететъ онъ мою русу косу
 Всю дѣвичью красоту...

7.

Отлила Волга матушка
 Отъ крутыхъ береговъ.
 Отжила, отнѣжилась,
 Свѣтъ Аннушка у батюшки своего.
 Пошла съ высока терема,
 Пошла она горько заплакала;
 Унимаетъ ее батюшка,
 Уговариваетъ родна матушка:
 Воротися, мое дитятко,
 Воротися, мое милое:
 Позабыла свои златы ключи,
 Златы ключи во спаленкѣ,
 На угольномъ на столикѣ,
 На серебряной тарелочкѣ,
 На розовой на ленточкѣ...
 Отвѣчаетъ имъ свѣтъ Аннушка:
 Не одни ключи забыла я—
 Позабыла волю батюшкину,
 Волю батюшкину, нѣгу матушкину.

8.

Какъ на морѣ, на возморьцѣ
 Сизый селезень косицы вьетъ,
 Сѣра утка охорашиваетъ ево...
 Надъ ней уточки дивуются.
 Не дивуйтесь, сѣры уточки,
 Надъ моимъ надъ сизымъ селезнемъ...
 Какъ во теремѣ свѣтлицѣ
 Свѣтъ Андреюшка кудри вьетъ,
 Михайловичъ русы вьетъ.